

СЛОВО О ЧЕХОВЕ*

Конст. Федин

Весь мир славит имя Антона Чехова.

На родине писателя в Российской Федерации, во всех союзных Советских республиках, повсюду в социалистических странах и в странах старого мира, на Востоке и Западе — везде в эти дни почитатели, ценители чеховского искусства заполняют аудитории, театры, клубы и залы, чтобы воздать честь памяти глубокого, обаятельного художника, открывшего новые страницы в истории реалистического рассказа, в истории новейшей драмы.

Это международное чествование художника слова приобрело воистину необыкновенный размах, исполнено редчайшей любви и яркого желания проявить сердечность, где бы ни происходило празднество во славу Чехова — в стенах заслуженного университета, или в скромной сельской школе, на сцене прославленного театра, или на подмостках любительского кружка в рабочем клубе.

Организация Объединенных Наций, одобрявшая решение ЮНЕСКО провести юбилей Чехова во всемирном масштабе; по всем странам прозвучавший призыв Всемирного Совета Мира отпраздновать памятную чеховскую дату; десятки общественных и государственных комитетов по чествованию писателя в странах Европы, Азии, Америки; книги, ученые работы, тысячи статей в журналах, газетах; с каждым часом возрастающее число радиопередач; каждый день умножаемые известия о новых постановках чеховских спектаклей; демонстрация на киноэкранах фильмов по чеховским произведениям; а наряду с этим — стихийно развертывающаяся самодеятельность масс, желающих отметить силами своих дарований 100-летие со дня рождения любимого писателя — вот факты этих дней, посвящаемых во всем мире нашему Чехову.

Да и неверно сказать — «этих дней», потому что во многих странах 1960 год провозглашен годом Чехова.

Перед лицом этого события в советской и международной культурной жизни нельзя не задаться вопросом — почему в современную нам бурную эпоху непрерывно растет слава писателя, изображавшего самых обыкновенных русских людей в самых обыденных условиях конца прошлого века?

Чехов еще при жизни завоевывал себе читателя, зрителя, завоевывал почетное признание крупнейших и великих писателей-современников. Но тогда же, при его жизни, насаждалась известной частью критиков легенда о мнимой непримечательности его таланта, якобы отданного воспеванию серых будней безвременья.

Это была борьба двух толкований Чехова, из которых одно состояло в признании исключительного гуманистического значения его творчества, другое — в утверждении, что творчество Чехова лишено какого-

* Речь в Большом театре СССР на открытии торжественного вечера в ознаменование 100-летия со дня рождения А. П. Чехова.

либо идеала. В плане моральном спор, длившийся годами, не принес лавров тем, кто хотел бы окрестить Чехова выразителем общественного уныния. Борьба часто сводилась к стремлению реакции отказать в правоте прогрессивному взгляду на Чехова как на великого жизнелюбца, отдавшего всего себя и свой гений народному счастью.

К недавнему 50-летию со дня смерти Чехова стало уже очевидно, что легенде о нем как певце безвременья почти повсеместно наступил конец. Победило высказанное после смерти Чехова воззрение Льва Толстого, который назвал Антона Павловича «несравненным художником... художником жизни...» и сказал, что «... достоинство его творчества то, что оно понятно и сродно не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще... А это главное».

Это главное восторжествовало.

Оценивая значение Чехова для художественного развития человечества, писатели старших поколений и наши современники измеряют это значение наивысшей мерою.

Английская писательница Кэтрин Мэнсфилд говорит о рассказе Чехова «Степь», что это «одно из самых великих произведений мировой литературы — своего рода „Илиада“ или „Одиссея“». Американец Артур Миллер считает, что Чехов «ближе к Шекспиру, чем кто бы то ни было другой». Французский романист и драматург Франсуа Мориак пишет: «Для меня Чехов олицетворяет театр, как Моцарт олицетворяет музыку».

Удивительно поэтично сказал знаменитый писатель-ирландец Шон О'Кейси: «Чехов пришел в Ирландию, туда, где я жил, и нашел широко открытой дверь каморки бедняка, его приняли с ирландским радушием и усадили на лучшее место у камина». Можно повторить эти слова, сказав, что Чехову открыли дверь все страны и усадили его на лучшее место.

Художники несхожих убеждений и вкусов сближаются в своих представлениях о Чехове благодаря неоспоримости того «главного», что отметил Лев Толстой и что заключено в основе чеховского творчества — его человечности.

Как бы ни были различны мастера культуры, они все согласны с тем, что Чехов произведениями своими подготавливал мир к лучшей жизни, более прекрасной, более справедливой, более разумной. Мы находим это признание и в словах немецкого романиста Томаса Манна, и у китайского писателя Лу Синя, или у англичан Джона Голсуорси и Джона Бойнтона Пристли, или у француза Веркора.

Но было бы мало, если бы дело шло только о том, что гений Чехова сближает в толковании своего творчества разных писателей. Гораздо знаменательнее, что произведения Чехова ведут мировое общественное мнение через его искусство к источнику, которым оно вдохновлено — к русскому человеку, к русскому народу. И едва ли не лучше многих выразил эту мысль французский критик и публицист Андре Вюрмсер: «Нельзя, — сказал он, — любить и почитать Антона Павловича Чехова, не понимая, что Россия, им описанная, что русские, несчастье которых он показал в своих произведениях, должны были превратиться в эту новую страну, в этих новых людей, которых мы видим сейчас».

Это действительно так, ибо это означает, что, с болью и горечью обличая ленивую, косную, несчастную Россию царских времен, Чехов ясно видел в своем народе здоровых, трудолюбивых, смелых людей и в них находил постоянную опору своему убеждению, что русская жизнь непременно станет прекрасной и счастливой.

Она стала такой. Великий Октябрь превратил нас в новых людей, белую Россию — в новую страну социализма, строящую коммунистическое общество будущего.

Если Антон Чехов в своей красивой мечте о счастье для всех, о высокой культуре для родного народа чего-нибудь не мог предвидеть — так это небывалой быстроты, с какой народ опрокинул все старое, что ему мешало на дороге к новой жизни.

Как же отвечаем мы на вопрос — почему продолжает расти слава Чехова, изображавшего обыденную жизнь теперь уже отдаленного прошлого? Чем он столь дорог нашей современности?

Он дорог нам своею человечностью, пронизывающей все его художественное творчество и его личность. И он дорог нам своим глубоким сознанием того, что прекрасное может и должно быть создано только трудом.

Алексей Максимович Горький, добрый товарищ Чехова, сказал об этом его жизненном и творческом сознании: «Я не видел человека, который чувствовал бы значение труда как основания культуры так глубоко и всесторонне, как Антон Павлович».

Человек и труд — вот созидательная основа нашей современности. Человек и труд — вот творческий девиз Чехова. Поэтому Чехов неотделим от современности.

Чехов был, есть и будет с нами и со всем миром.